

...ВООБРАЗИМ себе такую сцену. Двое остановились у сводной репертуарной афиши московских драматических театров. Изучают названия.

— Пойдем в Сатиру? Там «Ревизор».

— Но мы же видели его в Художественном.

— Тогда пойдем в Художественный на «Эшелон».

— Мы уже смотрели его в «Современнике».

— Тогда — в Малый.

— Нет, и в Малый не пойдем. «Старика» тоже видели, только в Театре имени Моссовета.

— А что у Вахтанговцев?

— «Ковалева из провинции», то же самое, что и в ЦАТСа.

— На Бронной идет «Своей дорогой». Этого мы не знаем.

— Ошибаешься, уже смотрели в Театре имени Маяковского, только под названием «Неопубликованный репортаж»...

Но оставим наших театралов. Конечно же, в обилии хороших и разных столичных сцен, среди десятков хороших и разных спектаклей они выберут пьесу, которая им еще не знакома. Тем более что диалог этот, как мы установили, воображаемый. А понадобился он нам лишь затем, чтобы заострить внимание на одной, мягко говоря, весьма своеобразной ситуации, сложившейся в сегодняшнем московском драматическом репертуаре.

Нередко говорят и пишут о нецелесообразности и нежелательности — по вполне понятным причинам — дублирования пьес во время театральные гастролей. А разве не возникает такой вопрос применительно к текущему репертуару театральных стационаров в пределах своего города, в данном случае — нашей столицы? Пожалуй, вопрос этот давно назрел. Он не так прост, как может показаться с первого взгляда, и, разумеется, не так легко найти его оптимальное решение, удовлетворяющее все заинтересованные стороны. Но поставить и, может быть, внести на обсуждение вопрос о слишком частом, к тому же не всегда объяснимом, не всегда оправданном дублировании пьес в постановках московских театров необходимо.

Вот ведь какое положение складывается на нынешней столичной афише. Помимо уже перечисленных приведем еще ряд повторяющихся названий пьес: «Валентин и Валентина» —

в МХАТе и «Современнике», «Ночью без звезд» — в ЦАТСа и Театре имени А. С. Пушкина, «Русские люди», «Гроза» — в Театре-студии киноактера и Малом театре, «Последние дни (Пушкин)» — в МХАТе и Театре имени А. С. Пушкина, «А зори здесь тихие...» — в ЦАТСа и Московском театре драмы и комедии на Таганке, «Последняя жертва» — в театрах имени Гоголя и имени Моссовета, «Двенадцатая ночь» в «Современнике» и Центральном детском театре, «Альпийская баллада» — в Центральном детском театре и Драматическом театре имени К. С. Станиславского.

Только в этом театральном сезоне, вызывая шуточные

титулы, расточительность. Ведь если бы каждую из этих двадцати пьес не ставили сразу по два театра, наша городская драматическая афиша обогатилась бы двадцатью оригинальными, не дублируемыми другими, названиями. Это значит, что москвичи и гости столицы в двадцати спектаклях из сорока имели бы дополнительную возможность познакомиться с новыми произведениями современной драматургии, с давно либо вообще не шедшими в Москве классическими пьесами. А сколько новых актерских, режиссерских открытий и открытий могло бы возникнуть за счет этих самых двадцати дублей!

такого превращения очевидно, независимо от чьих-то субъективных устремлений и аргументов, оно объективно ограничивает, сужает один из источников нашей духовной пищи.

Это тем более досадно, что иногда дублирование репертуара происходит из-за элементарной пассивности, инертности театров. Заполнить пьесу именного автора или просто апробированную другими куда спокойнее, нежели вести постоянный, трудоемкий репертуарный поиск, затрачивать усилия на совместную работу с начинающими драматургами.

В нашем разговоре не обойдешь деликатно и проблему возможной неравноценности художественных сил разных театров, берущих одну и ту же пьесу. Проблема эта — при всей ее остроте, сложности и противоречивости — существует. Отсюда явная и как бы заранее известная, заранее заданная неравнозначность художественных результатов одновременных и одноименных театральных постановок. И куда не уйдешь от того факта, что в таких случаях иные театральные залы не собирают полного комплекта зрителей или, как ни горько это произносить, попросту пустуют. А это значит, что спектакль, на который было затрачено немало драгоценных человеческих ресурсов, материальных средств и в котором подчас бываю отдельные яркие актерские и режиссерские удачные, не дает соответствующей духовной и необходимой финансовой отдачи, бесславно и тихо сходя со сцены.

Нет, что ни говори, произвольное, бездумное тиражирование одной и той же пьесы в одном городе — не столь уж безобидная вещь. Видимо, соответствующим организациям, которые помогают театрам формировать и планировать репертуар, следует уделять больше внимания координации этого важного процесса с тем, чтобы по возможности избежать репертуарных повторов или уж во всяком случае максимально их ограничить.

А то ведь года писалась эта статья, в Москве появилась вторая «Вишневый сад»: в начале сезона его «вырастил» Театр на Таганке, а только что он «расцвел» в театре «Современник». На сводной афише московских драматических театров образовался еще один репертуарный дубль. Двадцать пер-

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ДУБЛЬ

РАЗМЫШЛЕНИЯ
У ТЕАТРАЛЬНОЙ АФИШИ

ассоциации со спортивным термином «гонки за лидером», выходили друг за другом такие одинаковые по своему драматургическому материалу сленгитали: «Протокол одного заседания» — в МХАТе (под названием «Заседание парткома») и Театре имени А. С. Пушкина, «Вечерний свет» — в Малом театре и Театре имени Моссовета, «Горе от ума» — в Малом театре и Театре-студии киноактера (а скоро к ним прибавится и Театр сатиры), «День приезда — день отъезда» — в Театре имени Моссовета и Театре-студии киноактера. Список повторяющихся репертуарных названий увеличили также в этом сезоне МТЮЗ, выпустив спектакль «Последние», который идет и в МХАТе, и Московский новый театр-студия, показав вслед за «Современником» пьесу «Из записок Лопатина».

А теперь подведем итог: на столичной сцене сегодня дублируется 20 пьес. Не кажется ли вам, что это чрезмерно много?

Мы сознательно не называем здесь имена драматургов, режиссеров, актеров, никого не упрекаем, не даем никаких оценок, не занимаемся никакими сравнениями. Речь совершенно не об этом. Мы лишь констатируем определенную репертуарную бесхозяйственность, даже, если хо-

Тут могут сказать, что такие открытия и открытия не исключены, а, наоборот, предполагаются и даже в известной мере запрограммированы при постановке в разных театрах одной и той же пьесы. Что именно этим и вызываются подобные постановки. Что одну и ту же пьесу можно транслировать по-разному, находить и открывать в ней все новые и новые глубины жизни человеческого духа. Что нередко театр сознательно берет уже идущую на другой сцене пьесу, имея в виду ее общественную значимость или ради интересного, свежего режиссерского замысла.

Все это абсолютно справедливо и верно, никто с этим спорить не собирается. Примеры такие можно найти как в прошлом, так и в настоящем. И все же... И все же это были, есть и должны быть исключения. Давайте положить руку на сердце непредвзято и всерьезно спросим себя: много ли таких событий можно назвать в тех двадцати репертуарных дублях, о которых говорим сегодня? Отнюдь... Следовательно, правомерное исключение превращается в явление если уж не массовое, то наверняка распространенное (20!). Нецелесообразность

Н. ЛЕЙКИН.